

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ!

Ослабши жизни силы:
 Годъ борьбы—тяжелый годъ...
 Какъ забыть друзей могилы?
 Какъ укрыться отъ невзгодъ?...
 Слышишь радость, ликованья,
 Перезвонъ колоколовъ...
 А въ груди дрожатъ рыдавя
 И для радости нѣтъ словъ.
 Ни весна, ни Праздникъ Свѣтлый
 Не уймешь тоску-печаль...
 И затануты петлей
 Жизнь окончить мнѣ не жалъ.
 Я не вѣрю во спасенье:
 Жизни новой не найди.
 Нѣтъ надеждъ на воскресенье...

Что жъ я сталъ на полпути?
 Нѣтъ надежды...
 Правда-ль это?..
 А Христосъ... Его завѣтъ?..
 А друзья? Ихъ пѣсь отбѣта,
 Но мотивъ весь не пропѣтъ.
 Овъ воскреснетъ съ новой силой,
 Рабства цѣпи разобьетъ!
 И забудутся могилы:
 Жизнь воскреснетъ, зацвѣтетъ.

А. Кудрявцевъ.

Воля.

Скверно, очень скверно сидѣть въ одиночкѣ, — а тѣмъ болѣе человеку, впервые познавшемуся съ просторомъ четырехъ стѣнъ и свѣтомъ рѣшетчатого окна. Одинъ только звонокъ чего-то стоять. Вставай по звонку, ложись по звонку, обѣдай—тоже, думай—тоже, все по звонку, точно команда въ машинное отдѣленіе на пароходѣ: ударить разъ—пошелъ впередъ, два или три—назадъ, пять—стой и такъ дальше. Взвали Милова по какому то пустяку Кажется, негалагальная книжечка да два три письма друзей о «настроеніи гъ уздахъ».

Послѣ допроса передъ Миловымъ расплапулась дверь уютной камеры. Какъ то нерѣшительно входитъ человекъ въ эту чистенькую камеру съ желѣзной койкой, такъ же столомъ и табуретомъ, асфальтовымъ, ярко навошеннымъ, поломъ.

Надиратель что-то объясняетъ, тычетъ пальцемъ въ правила на стѣнѣ. Затѣмъ дверь захлопывается съ характернымъ трескомъ.

Вещи положены около койки. Человекъ оглядывается и не знаетъ съ чего ему начать: пройтись-ли по камерѣ или сѣсть на табуретъ и осмотрѣться. Последнее лучше, потому что пройтись негдѣ, если не считать прогулку въ 6½ шаговъ. Впрочемъ, и оглядывать нечего: за двѣ минуты можно не только изучить всю обстановку, а каждое, случайно образовавшееся пятнышко на стѣнѣ.

Прежде всего является вопросъ: за что?

За что вдругъ взяли человека да и посадили, точно кровожаднаго звѣря?

Въ раздумьи напрягаются всѣ силы — и все таки отвѣта не подыскивается. Потомъ и раздумывать надоѣдаетъ. Посадили—ну, и ладно. Только вотъ вопросъ: долго ли придется просидѣть? Когда отворятся двери и скажутъ... Тихо и думѣ здѣсь. Даже мухи не нарушаютъ тишину. Раздаются, правда, порой чуть уловимые шаги надирателя: развѣ что нужно ему подтвердилось. А то, вѣдь, и говорить то они между собой вполголоса.

— Чи-чи-чи! раздастся иногда. Это зоветъ надиратель другого. Точно кошку пугаютъ.

Вотъ шаги торшавые...
 — Можетъ быть ко мнѣ?.. Можетъ уже...
 Дыханіе задерживается... дверь открывается.

— Книги читать будете?
 — Мм... Д—да, буду...
 Дверь захлопывается.
 — Чтoby чортъ тебя...

Впрочемъ, что-жъ? Книги не мѣшаютъ, онѣ даже прямо необходимы. Только не дали бы «Ниву» или «Паломникъ» за 1894 годъ, или просто Бородинскую битву, Севастопольскую компанію... Ну, да на безрыбьи—и ракъ рыба.

Ночь. Не звѣздная—черная, не стѣверная—блѣдая, а тюремная ночь. Даже жутко отъ тишины. Смерть—что ли пролетѣла, а можетъ быть пустыня. А вотъ шаги. Кто-то смѣло идетъ и нарушаетъ покой.

Ночью, вѣдь, тоже освобождаютъ... Кто знаетъ, можетъ... Нѣтъ, это помощникъ начальника повѣрять посты.

Напрасная тревога, напрасно напрягается слухъ, нервы вывнчиваются. Сѣро-желтое одѣяло натягивается и опять поетъ въ душѣ: когда же? Скоро-ли?

А дума, неотвязчивая дума гложетъ, точетъ... Всего насквозъ пропитала: и руки, и ноги, туловище, голову, кости, мясо...

Воля...
 То сильнымъ вздохомъ, то стонамъ, болѣзненнымъ шепотомъ раздается. Окно высоко. Только небо видно—или чистое синее, голубое съ яркимъ солнцемъ—дышать нечѣмъ; или черное, тучное, некресное—дождь, сытость, но... воля.

Гдѣ желанія, стремленія, планы будущего? Нѣтъ ихъ. Да и были-ли они еще? Можетъ быть, только кажется, что были? Что это: миражъ, самообманъ?

Гдѣ же «она»? Развѣ безъ нея можетъ быть что нибудь? Воля—что то безконечное, неизмѣримое...

Идетъ время. Все притупилось, нѣтъ человека—естъ машина. Все замерло, заглохло. Дышетъ человекъ—значитъ живеть еще. Но тѣлѣтъ уголекъ. То подернуть сѣровой легкой пеленой,—ровно и нѣтъ его; то скинеть пелену и загорится. И ярко горитъ. И что то могучее, красивое растетъ, растетъ... И вырастаетъ Воля.

II.

Насхальная ночь наступила. Шумный городъ къ ночи затихалъ. И сегодня онъ затихъ, какъ раньше. А небо было несомнѣнно чисто отъ облаковъ, только кое гдѣ мелькали одиноки звѣздочки. Не видно было яркой путеводной звѣзды.

И былъ ли человекъ вѣрующей или невѣрующей—но оба чувствовали себя нѣсколько иначе, чѣмъ повседневно.

Милось тоже ничему не вѣрило. Но сегодня онъ не могъ спать. Несмотря на строгое запрещеніе вставать съ койки послѣ вечерняго звонка, онъ подошелъ къ окну и сталъ внимательно вглядываться въ небо. Но оно ничего ему неказало. А слухъ и нервы были напряжены, точно ожидая удара грома послѣ молніи.

И жутко, и сладко, и непонятно было на душѣ.

Въ воздухѣ расплылся ударъ колокола. Замерли отдаленныя волны звука—послѣдовалъ другой ударъ. Потомъ третій и заговорили сразу всѣ колокола города. Загудѣлъ и самъ городъ. Долетѣлъ этотъ шумъ и до тюрьмы и всколыхнулъ ее.

Милось шагаль по камерѣ. Насхальный звонъ возбуждалъ забытую голову. Что-то совершилось хорошее, радостное, красивое. Но оно было далеко, далеко—и вмѣстѣ съ тѣмъ казалось такъ близко, что Милось омуналъ это «что-то», но оно только легко касалось его. Горечь, обида, надежды—все смѣшалось и перепуталось.

И небо почти совсѣмъ очистилось и воздухъ былъ легокъ и вежъ ликовало: «Христосъ Воскресъ!»

Ничего здѣсь нѣтъ. Рѣшетка, камень...

— Со всеми вещами на главный постъ.

Казалось, надиратель произнесъ эту фразу обыкновенно, холодно-официально. Но это только казалось, а въ голосѣ все-таки слышалось что-то затаенное, доброе. Какъ не мертвѣютъ сердца надирателей, а все-таки къ этой фразѣ привыкнуть не могутъ. Ужъ слышномъ много она значить, а тѣмъ болѣе въ насхальную ночь.

Милось подыалъ голову и немного вздрогнулъ. Такъ значить уже... Но сердце замерло. Оно еще затаило радость.

Милось взглянулъ на надирателя: можетъ быть онъ шутитъ? Но надиратель вообще никогда не шутилъ, а въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе.

Милось сталъ собираться.

Кто знаетъ, поведутъ на главный постъ, а тамъ опять куда нибудь. Онъ снова взглянулъ на надирателя. Тотъ мылся, точно хотѣлъ сказать что-то...

Въ канцеляріи были очень недовольны, что пришлось разбираться съ бумагами въ такую ночь и постарались поскорѣе отдѣлаться.

III.

Желѣзная калитка открылась. Одинъ шагъ... Какая пропасть въ этомъ шагѣ! Какъ легко перешагнуть эту пропасть и какъ невозможно перешагнуть ее.

Милось остановился. Сердце вралось, въ виски ударило. Цѣпи и воля. Мысли дождемъ хлынули въ голову и безнестемно громоздились онѣ одна на другую...

Онъ глубоко вздохнулъ. Сторожъ улыбулся въ бороду—многому ему приходилось видѣть—и сказалъ:
 — Христосъ Воскресъ!
 Это были первыя слова, сказанныя человекомъ, а не говорившей машиной. Милось пришелъ въ себя.
 — Воистину Воскресъ!
 Онъ сунулъ сторожу пару двугривенныхъ и пошелъ.

Постепенно въ немъ все улеглось. Воля...
 Цѣть четырехъ стѣнъ. Рѣшетки не подавляютъ чувства и мысли, нѣтъ цѣпей Кричи, радуйся, желей, надѣйся, дѣлай что хочешь—ты свободенъ. Новой великой силою дышетъ грудь.

Овъ шелъ. Ни улица, ни легкій воздухъ, ни колокольный звонъ не вскружили ему голову. Онъ остановился и спросилъ себя:
 — Что это?
 — Воля,—что то отвѣтило ему.
 — Это воля? Какъ странно!
 — Гдѣ же воля?
 — Развѣ ты не чувствуешь ее на себѣ?
 Онъ не нашелъ отвѣта. Странно, очень странно. Безъ воли нѣтъ ничего. А гдѣ же это все? Гдѣ все то, что желалось, къ чему такъ страстно стремились душа, мысль?
 — Въ чемъ же заключается воля?
 — Въ тебѣ самомъ.

Совершенно ничего нельзя понять. Ноги ходятъ, какъ и прежде, руки—какъ руки, голова работаетъ, сердце бьется, легкія выдыхаютъ воздухъ, глаза видятъ—все по старому. Гдѣ же оно, это новое, безконечное, охватывающее человека, дающее силы?
 — Да что такое «воля»?
 Отвѣта не было. Онъ шелъ; онъ самъ не зналъ куда шель.

— Христосъ Воскресъ! неожиданно раздавалось передъ нимъ.
 Онъ остановился.
 — Подайте слѣпому, ради Христова Воскресенья...

Воля и слѣпой—какъ дико это! Человекъ свободенъ, но не видитъ. Человекъ въ цѣпяхъ, но не видитъ. Человекъ свободенъ и видитъ.
 — Да, вѣдь, я же вижу, я же свободенъ. Я вижу, но я ничего не видѣть.

А онъ еще спрашивалъ себя, что такое «воля»? Думалъ ли онъ о волеюномъ человекѣ въ цѣпяхъ? Никогда. Что значить свободная мысль, наука? Что значить всѣ планы будущего, мечты, желанія? Что все это значить, если его свободный собратъ ходитъ въ цѣпяхъ? Онъ на волѣ, онъ свободенъ, но нѣтъ того, что называется «радостью». Онъ допытывался, искалъ воли. Вотъ она.

Свободный человекъ говоритъ ему: помоги поддержать мои цѣпи, а то онѣ задавятъ меня своею тяжестью.

И горько и обидно стало ему за себя. Но это вскорѣ прошло. Въ немъ колынулася новая искра, новая сила и мощь духовная.

Онъ зашагалъ. Овъ зналъ теперь волю.

Искорка разгоралась...

В. Д.

Спирькина работа.

У Спирьки съ матерью раздѣленіе труда. Мать зарабатываетъ на хлѣбъ, а сынъика каждое утро будитъ ее на работу. Она его очень любитъ и если Спирька не бѣтъ, не пьетъ, то она его чаще цѣлуетъ и даетъ какихъ то горькихъ капель.

Спирька очень маленькій, а потому «Есть монастыри и врата ихъ открыты всегда для богомольцевъ и никогда не поздно войти человеку подлѣ ихъ своды. Но вотъ здѣсь, куда каждый годъ стекаются пахари на поклонъ счастью,—здѣсь подлѣ синимъ небомъ, земля принимаетъ дары отъ человека лишь только ранней весной. Приди позже и твоя жертва останется безъ отвѣта... Тамъ нѣтъ святыни...»

Глядя на огромныя земли помѣщика Завалишина мысли были точиѣе и опредѣленнѣе. Онъ баринъ, хозяинъ; когда онъ встрѣчается на дорогѣ, надо сворачивать съ дороги и снимать шапку. Шапку при разговорѣ съ нимъ всегда надо держать въ рукахъ.

Почетъ ему и въ церкви: ему мѣстный попь совершаетъ особое каждеііе.

Земля—его раба: она даетъ ему наслажденіе. Такъ думалъ Матвѣй, распахивая полосу. Подлѣжная съ сохой къ старой кулигѣ бурьяна онъ увидѣлъ стрепета. Птица сидѣла на яйцахъ и была въ двухъ шагахъ отъ лошади. Матвѣй обѣхалъ ее гнѣздо. Подошелъ къ ней, она глядѣла на него испуганными круглыми глазами и не улетала.

«Душевная птица», вслухъ сказалъ онъ и погладилъ ее по спинѣ большой и корявой ладонью,—сиди, не трону!»

Послѣ обѣда онъ распрягъ лошадь, поставилъ ее на приколъ

и всѣ окружающія вещи кажутся ему чѣмъ болѣе. Спирька говоритъ обо всемъ. Ему знакомы всѣ слова большаго, а за послѣднее время онъ узналъ слово «мастеръ». Вотъ какъ это было.

— «Молись!»—приказала мать, и Спирька безпрекословно ударился лбомъ о полъ за маму.

«Теперь за папу!»
 Папу онъ никогда не зналъ и не видалъ, но просьбу матери исполнилъ безпрекословно, лишь съ маленькой огоркой.

«На!» сказалъ онъ, вторично ударивъ о полъ.

— «Еще разъ!» настаивала мать. Но Спирька разозлился; ему показалось, что его заставляютъ кланяться за бабу Агаею, что иногда присматриваетъ за нимъ и онъ запротестовалъ:
 «За Агаею и молиться не стану! Наплевалъ бы! Я съ ней разругался!»
 Мать вдругъ улыбулась, покачала головой.

«Ишь, какой ехидный: точь—въ точь нашъ мастеръ.»

И въ этотъ же день, часъ спустя, пришла Агаея и мать жаловалась ей на свою судьбу, на притѣненія мастера, на его ухаживанія и приставаанія, а потомъ, взглянувъ на будильникъ, сказала:
 «Видѣть я эти часы не могу. Живешь, какъ раба какая, каждая секунда на учетѣ. Отъ шести до шести голова кружится. А тутъ мастеръ грозитъ: посмотри, говорить, дальше, а потомъ уволю.»

Старуха слушала, подперевъ ладонью правую щеку, кивала головой и говорила: «это ужъ знако... оно конечно... его воля.»

Уходя въ полдень съ обѣда на фабрику, она говорила ей: «присмотри за нимъ, а то, кабы чего не случилось.»

— Оно конечно... Это ужъ какъ водится. Я всегда за нимъ какъ за сыномъ роднымъ... Какъ тамъ въ послѣднѣе то говорится: сама не съзшь чужому дашь...»

Послѣ этого разговора за Спирькой строже стаа слѣдить Агаея, а мальчикъ сталъ внимательно слѣдить за стрѣлками будильника.

Въ полдень, когда мама Липа приходила съ работы, обѣ стрѣлки были сверху и закрывали другъ друга, ревяли гудки.

Вечеромъ онѣ были, какъ по ниточкѣ: маленькая внизу, а большая сверху,—опять ревяли гудки.

Утромъ, когда надо было будить маму, онѣ стояли какъ и вечеромъ и ревяли фабрики и заводы. Вотъ такъ ревяли, какъ теперь, въ это темное осеннее утро безъ солнца и свѣта.

«Все бѣгутъ», тихо шепчетъ онъ, глядя на дифферлатъ: «все бѣгутъ...»
 Гу... ревяли гудки, призывая на работу.

— «Ма-ма!» громко кричитъ онъ надъ ухомъ спящей. Но она только стонетъ, скрипитъ зубами и поворачивается на бокъ.

Тик-такъ?—бѣгутъ маленькіе часики, —тик-такъ! Спирькъ жаль маму. Она такъ устала, а часики не даютъ ей покою. Вотъ сейчасъ уже маленькая и большая стрѣлки вытннулись въ ниточку, но мама устала, ей отдохнуть надо.
 Гу-у... реветъ надъ крышами боль-

Торькая судьбиха.

(Изъ прошлыхъ дней.)

Съ утра Матвѣй собрался на пашню. Приладилъ соху, поправилъ сбрую, задалъ лошади корму и теперь, выйдя за уголь, глядѣлъ на ведренное небо, отыскивая тучи. Дожда не будетъ, и ему можно будетъ вѣхать на парнѣ.

Семья у него была небольшая, самъ да жена Марья да сынъика Митька. Жили они на краю села, въ старой покривившейся избенкѣ. Она ему досталась отъ отца вмѣстѣ съ житейской философій: какъ ни бейся, все равно сдохнешь собакой. Матвѣй помнить, какъ обыкновенно во время праздника отецъ до обѣда вѣрило въ Бога и усердно торчалъ въ обѣднѣ до самаго окончания,—послѣ же къ вечеру, напивался пьянымъ, проклиналъ помѣщика Завалишина. Потомъ уже, ночью, бралъ его маленькаго Матвѣя за руку и шель на «счастливыя перекрестокъ», чтобы продать самому черту свою душу.

«Свидѣтелемъ будешь», пьяно вразумлялъ его онъ,—а то покалуй, отъ души то нашей и ачутка сезыятый откажется.»

Когда Матвѣй уже выросъ и

сталъ «мужиковать», т. е. пахать, сѣять, платить подати и низко кланяться начальству, то переменяющаяся вѣра отца въ Бога и черта притаилась гдѣ-то въ сторонѣ, порождая странныя мысли.

Когда же проходило бунтующее настроеніе, то Матвѣй по прежнему былъ кротокъ, тихъ, терпѣлъ обиды отъ окружающимъ и старался своимъ смиреніемъ загладить предъ женой Марьей нанесенную ей подлѣпную руку обиду.

Такъ было и теперь. Собранный въ поле, онъ нерѣшительно мялся у притолки и говорилъ ей:
 «Марья, не фырчи тамъ, соберика чего нибудь».

Марья крѣпко помнила прошлыя обиды и была непоколебима. Вѣдь, онъ только что позавтракалъ, сѣлъ прорву хлѣба и протерпѣлъ до слѣдующаго утра!
 «Молока бы тамъ еще выпить», настаивалъ онъ.

— И такъ не сдохнешь! подтвердила вновь она, поджимая тонкія губы.

— «А, вѣдь, и правда», мысленно согласился онъ, но вслухъ еще не терялъ надежды.

— Ну, такъ хлѣба каравай дай, что-жъ, въ самомъ дѣлѣ?
 — «И такъ сойдесть», рѣзко отвѣзала она.

Матвѣй согласился вновь и съ этимъ.
 «Вотъ дьяволъ-то... думалъ онъ,—то-есть, самую правду сыпить. И протерпѣлъ! Ничего не подлѣаешь. «Ахъ ты нація, прости Господи, женская»...»

Выѣзжая за ворота, онъ все-же получилъ отъ нея краюху хлѣба.

Дорога за селомъ была сухая и широкая. Сбоку катилась тихая рѣчушка съ зелеными камышами и на заостренныхъ, еще не развернувшихся перьяхъ, скользили, какъ золотыя паутинки, весенніе лучи.

Даль полей, синева неба, лента дороги съ боковой гранью вознующейся зелени,—все это походило на набросокъ съ его неуверенными и ласковыми тонами. Но тамъ, вверху, въ золотѣ теплыхъ лучей зарождалась первая мощь красокъ, чувствовался законченный ударъ мощной кисти. И уже сердце знало, что за ласковыми штрихами весны скоро начнется жаркая картина яркаго лѣта.

Загонъ Матвѣя граничилъ какъ разъ съ землей помѣщика Завалишина и распахивая свою «душу» у него все время носились неоформленные и туманныя для него мысли, которыя онъ никогда не могъ выразить словомъ.

сбирать молодые побѣги травы, а самъ всталъ у сохи и, не мигая, усталъ въ небо.

Потомъ зажмурилъ глаза, нахлобучилъ на глаза шапку и тихо безъ словъ затанулъ пѣсною. И не было въ ней ни улыбки, ни смѣха, ни радости и было похоже на то, что онъ лишь отыскиваетъ такое слово, которое выразило бы его скрытую боль, его тоску, его надежду. Вскорѣ онъ заснулъ.

Въ это время пробѣжалъ по межѣ выдлѣившійся изъ общины «отрубникъ» односельецъ Глазювъ. Глядя на Матвѣя, онъ вдругъ вспомнилъ всѣ раздоры и обиды съ общинниками и въ отместку всѣмъ тѣмъ, кто не хотѣлъ своего собственнаго разоренія, отвязалъ лошадь и перегналъ ее на зеленѣющей барскій лугъ.

«Пусть поймается, идольская душа... Сейчасъ прямо къ барину. Такъ и такъ, молъ, потрава».

Часъ спустя надъ Матвѣемъ стоялъ приказчикъ и стражникъ.

Стражникъ оспаривалъ у приказчика право перваго удара.

— «Погоди, Иванъ Захарычъ, я его на испугъ воэму.»

— Нѣтъ, я давно ужъ дорывался.

— Ты, сукинъ сынъ!—раздалось надъ головой Матвѣя, и дѣвъ нагайки рѣзнули его по груди и животу.

Отъ жгучей боли онъ вско-

шого города. Спирька хмурит брови, садится на кровать, потом спрыгивает на пол и подбегает к будильнику. „Во-отъ“, удовлетворенно тянет он и переводит минутную стрелку назад на несколько кругов. Потом он одёлся, переодевается на кривых ножках по комнате и улыбается. Шурить большие сѣрые глаза на блѣдном личикѣ и улыбается. Потом садится къ игрушкам. На столѣ горит оставшаяся съ вечера лампа и въ комнатѣ свѣтло. Спирька помнит сказку, сказанную старухой въ добрую минуту и теперь он строит изъ кубиков „сказку“. Дворникъ для сѣраго волка, коровка отъ спичекъ—кайка для жарь—птицы.

По временамъ онъ всматривается въ картинку отъ чая. Смотритъ на пирамиды, рѣзные пальмы... „Не такъ“, тихо и серьезно шепчетъ онъ. Опять строитъ по другому. Ставитъ къ стѣнкѣ куклевка царевича съ вышучеными глазами.

— Не такъ! своа недовольно говорить онъ, мѣшаетъ кубики, складываетъ на табуретъ. Отвернувшись, долго смотритъ на окна, а когда сталь съ табуретки брать кубики, то они вывалились изъ рукъ и съ громкимъ стукомъ рассыпались по полу. Спирька бросился ихъ подбирать, но перевернулъ табуретъ и разбудилъ мать.

„Боже мой, уже свѣтло!“ испуганно вскрикиваетъ она, спрыгиваетъ на пол и подбегаетъ къ Спирькѣ.

— Что-жъ ты, дьяволенокъ, не будилъ? Что-жъ ты не будилъ?—Схватила и больно потянула его за ухо.

„Ахъ ты, Господи, Боже мой, что-жъ я буду дѣлать то?“

— „Смотри“, хвываетъ Спирька, — „а то я ѣсть не стану.“

— „Расходу меньше! Запугалъ тоже!“

— „Я пи-и-ить не стану.“

— „Слохни, кому надо.“

— „Умру... Пузырекъ разобью.“

Мать вдругъ улыбается, кутается въ платокъ и говоритъ: „тогда я дялю возьму, онъ онъ меня будить будетъ.“

— „Ты... Недовольно и угрожающе тянетъ Спирька, — „Смо-о-три.“

Видя улыбку матери, ему становится жалко самого себя. Прежде онъ сдерживался, но теперь сталь храбрѣе и заплакалъ громко.

— „Я еще ма-а-ленькій, а ты меня бь-е-ешь“, всхлипываетъ онъ и до красна третъ большие глаза.

Она собирается уходить. Уходя она ему наказываетъ одно и тоже. Спирька знаетъ все это наизусть, а потому теперь идетъ то слово, за которымъ будетъ начинаться конецъ фразы.

„Смотри, Спирька, не балуй, говоритъ она,—домъ караулъ, на улицу не выбѣгай. Придетъ бабка Агафья, будетъ пещку топить.“

„А ты сиди и къ огню не лѣзь“, добавляетъ онъ.

Послѣ ухода матери Спирька забываетъ свою биду. Онъ подставляетъ къ окну табуретъ и смотритъ на улицу. Тамъ уже солнце, и свѣтлый день и ходятъ люди. Мальчикъ спрыгиваетъ съ подоконника, хочетъ бѣжать на улицу, но въ ногахъ путаются кубики.

„Жилъ былъ волкъ да птица, а дядя-Царевичъ“, шепчетъ онъ, складывая кубики. Потомъ смотритъ на картинку отъ чая. — „Не такъ! не такъ!“ восторженно говоритъ, онъ бросаетъ игрушки и бѣжитъ на улицу.

У воротъ стоитъ старуха Агафья и о чемъ-то громко разговариваетъ съ хозяйномъ. Спирька бросается къ ней и виснетъ у ней на рукахъ.

За дверьми было шумно и весело. Были именины жены помѣщика, и потому хозяйнѣ вошелъ въ кабинетъ въ веселомъ духѣ.

Приказчикъ и стражникъ, видя это, улыбаясь радостно, сообщили о случившемся.

Судь скорый и правый!.. захохоталъ Завалишинъ и велѣлъ позвать мужичинъ-гостей.

Баринъ,—низко кланяясь просилъ Матвѣй—отпустите лошаденку, все заработаю, будьте отцомъ благодѣтелемъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, братецъ, отпустимъ,—и обратившись къ лакею крикнулъ: — „Давай сюда святцы!“

Читая имена угодинокъ за 15 число онъ вдругъ радостно расхохотался.

— Этотъ негодяй своимъ самоуправствомъ всѣхъ святыхъ этого числа обидѣлъ!

„Бабушка, кричить онъ,—бабушка, жилъ былъ волкъ да птица, а дальше какъ?“

— „Или домой, пашеночка“, отталкиваетъ она его и продолжаетъ: королева то наша Генцьева сегодня полтора часа спустя послѣ гудка пошла... Шумитъ вѣтеръ. Развиваетъ волосы мальчугана, топорщитъ рубашенку сади. Мальчикъ бросается къ самому хозяйну.

— „Дяденька, дяденька! Жилъ былъ волкъ да царевичъ, а дальше какъ?“

— „Ну я тебѣ скажу, къ приѣзду“, снисходительно бросаетъ тотъ съ высоты своего краснаго лица,—„а ты мнѣ что скажешь?“

Спирька морщитъ лобъ, вспоминаетъ разговоръ матери со старухой.

„У меня есть дядя“, говоритъ онъ,—онъ продаетъ въ деревнѣ фусть сала.“

— „Значитъ, лавочка?“

— „Лавочка“, киваетъ головой Спирька.

— Гы, гы, гы! заливаясь хохотомъ, притягиваетъ мальчика и больно жметъ ему краснымъ пальцемъ маленькій носъ.

— „Ой!“ взвизгиваетъ тотъ. Бьется въ рукахъ, падаетъ и когда поднимается съ тратура, то протираетъ отъ слезъ глаза. Одна певичка бирюзовымъ камнемъ на пальчикѣ. Спирька разглядываетъ ее.

— „Во-о-тъ“, обиженно тянетъ онъ. — „Иди домой! Иди“, бьетъ его по плечу старуха. — „Ишь, своевольникъ! За нимъ какъ за сномъ, а онъ? Я тебѣ дамъ сказку!.. Вотъ возьму, головой о камень да въ сорный ящикъ.“

— Ты... смо-о-три,—плачетъ онъ, еле успѣвая бѣжать за ней на тоненькихъ ножкахъ.

Въ комнатѣ она его насильно усадила передъ игрушками. Спирька сразу притихъ и широко-открытыми глазами безъ слезъ глядѣлъ въ большой ротъ старухи, на ея гнилыя зубы, а она стояла передъ нимъ, размахивала руками и кричала, какъ оgrabленная.

— Ишь, мать то! Какъ прынцесса какая, снятъ до утра! А ну прогоняйтъ, ну и пропали мои два рубля! Чего молчишь?! чего зѣвяки то вышучилъ?

Мальчикъ пугливо втягиваетъ голову въ плечи и жалобно тянетъ: „бо-ю-сь...“

— А-а, боишься? Вотъ возьму чертенка за ноги да объ уголь.

Спирька краснѣетъ, сдерживая слезы и дрожащимъ, надорваннымъ голосомъ говоритъ:

— Меня не надо. объ у-го-ль.

— Ну, то-то!—хлопая дверью удовлетворенно бросила она.

— Ма-ма! плачетъ послѣ ея ухода мальчикъ.

— Ма-ма... Черезъ полчаса онъ уже опять вошелъ надъ кубиками. Правой складывая дворецъ, а въ лѣвой пестрѣла картинка отъ чая.

Тикъ-такъ! торопились маленькіе часики,—тикъ-такъ!

Въ снѣгахъ послышались знакомые шаги, хлопнула дверь. На порогѣ стоялъ блѣдная убитая мать.

— „Что ты сдѣлалъ?“ съ ненавистью прошептала она.

Мальчикъ на мать не смотритъ, онъ знаетъ, что она пришла. Онъ радостно прыгаетъ по комнатѣ, хлопаетъ въ ладоши..

„Мама отдохнула! Мама отдохнула!“ Тикъ-такъ! бѣгутъ маленькіе часики,—тикъ такъ!..

Ан. Невтрѣвъ.

Маленькій фельетонъ.

Пасхальный звонъ.

Свѣтлое Воскресенье... Динь-бомъ... бомъ..

Несется торжественный благовѣстъ по городу, безъ спора врываясь въ открытыя окна и двери, пробуждая заснувшихъ послѣ розговѣвъ майкопцевъ.

Бомъ... бомъ... Гудитъ большой колоколь. Динь-дилинь...

Весело подыгрываютъ ему маленькіе сотрудники. И потревоженный майкопонецъ встаетъ и тянется къ окну.

— Ну и грязница же у насъ въ Майкопѣ, проклятая, вырывается у него съ досадой.—Какъ тутъ новое одѣваться въ гости идти. Перепачкаешься въ лучшемъ видѣ.

Разбудилъ пасхальный звонъ городского голову.

— Экъ, отжариваетъ,—подумалъ голова,—точно гласный Иваненко. Хотя бы ты секретаря намъ въ управу какого нибудь завалывшагося вызволилъ. Не пропадать же городу съ Хоменками и Тарасовыми..

Пасхальный звонъ, уже несся дальше, смѣясь и толкаясь, какъ мальчишка.

Сшибъ съ ногъ на дорогѣ пьяного, оглушил на мигъ брехаловскихъ парочекъ и съ веселой беззаботностью толкнулся въ открывшееся окно къ Вакулину.

Почтенный гласный умилился и, восторженно глядя на городской садъ, произнесъ: — Какъ въ Лондонѣ, ей Богу! Гайдъ-Паркомъ пахнетъ.

Павель Просвякинъ суетливо наклеивалъ на картонъ новыя трезвенныя картины, когда услышалъ колокольный звонъ знаетъ.

— Хорошо, да, хорошо. Звони, звони, не препятствую. А я вотъ по поводу трезвости поработаю. Оно пріятнѣе подъ звонъ.

Заводчикъ Товара, услышавъ благовѣстъ, подумалъ: — Праздникъ въ городѣ: три дня будутъ праздновать. Вотъ когда удобно новую канализацию устроить. Съ пьяна то никто и не замѣтитъ.

Случайно взгляды его упали на лежащую на столѣ газету:

— Ну, па-шалъ, да смотри не вздумай въ другой разъ. Тогда, братъ, я такъ шутить не буду!

— Ахъ, какой негодяй! негодяи вали гости, раскачивая окруженно пьяными головами,—ахъ, какой негодяй!

Матвѣй бѣгомъ спустился съ крыльца. Отбѣжавъ съ верету отъ усадьбы, онъ слѣзъ съ лошади и повелъ ее въ поводу.

— Такъ то, братъ Савраска, говорилъ онъ лошади, заглядывая ей въ большіе сѣрые глаза,—на аюлю насъ съ тобой ослобонили, значитъ. Идемъ, горемыка, амѣсть страдали, идемъ!

Вплоть до самаго села онъ велъ ее въ поводу, а дома поставилъ подъ навѣсъ и далъ ей цѣлую мѣрку овса.

Все время въ этотъ день нарочно кокался во дворѣ и намѣренно избѣгалъ встрѣчаться съ женой. Онъ чувствовалъ себя передъ ней униженнымъ, виноватымъ; чувствовалъ, что не можетъ взглянуть ей прямо въ глаза.

Подъ предлогомъ пройтись къ себе, онъ взялъ съ собой пятилѣтняго Митьку и пошелъ вдоль села. Потомъ онъ зашелъ въ знакомый шинокъ, пилъ молча водку и, когда совершенно омянѣлъ, наполнилъ и Митьку. Выйдя снова на улицу, онъ остановился передъ толпой.

— Братцы, отъ барскаго угощенія запилъ отецъ, ну и сына съ горя наполнилъ тоже! Пусть

учится... Велико горе мужицкое. — Хо, хо хо!.. грѣшля толпа! —приучается, значитъ, къ патой заповѣди! пойдеть по отповской дорожкѣ!

— Нѣтъ, по отповской не надо. Ему зинимъ быть надо—проживеть лучше. А мы съ Савраской что? Эхъ!..

Мальчикъ пашается, хватается слабой ручонкой за больную голову.

— Тятка, домою!.. жалобно тянетъ онъ.

— Братцы! вдругъ съ пьяной тоскою кричитъ отецъ, поднимая кверху руки и роняя ребанка,— для счастья сына своего проклинаю! Митька, будь ты, анафема, проклять во вѣки вѣковъ!!

— А, чтобъ—тебя. Пронюхаютъ, окаянные...

И славный чехъ заскрежещетъ отъ злости зубами.

А пасхальный звонъ носился по городу вездѣ и впередь, наполняя собою свѣжесть весенняго дня, веселье праздника.

Михайль Н.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.
Съ 11—17 апрѣля включительно открывается
ТРЕТЬЯ художественная **ВЫСТАВКА** ученическая
будутъ выставлены работы учениковъ худож. мастерской Ю. К. Вышемирскаго по прикладному искусству, живописи и рисованію.
Выставка открыта ежедневно съ 10 ч. утра—5 ч. пополудни. Плата за входъ 20 к., учащимся и дѣтямъ 10 к.

Продано болѣе двухъ миллионѣвъ банокъ.
МОЛОДОСТЬ и **КРАСОТУ** ПРИДАЕТЪ **ВСЯКОМУ ЖЕНСКОМУ ЛИЦУ** **КРЕМЪ** **КАЗИМИ** **МЕТАМОРФОЗЪ**
РАДИКАЛЬНО УСТРАНЯЕТЪ ВЕСУШКИ, УГРИ, ПАТНА, МОРЩИНЫ, ЗАГАРЬ И ДР. ДЕФЕКТЫ ЛИЦА.

КАКЪ МОЖНО БЫТЬ БОГАТЫМЪ, имѣть 200,000 руб.
Только надо теперь же купить себѣ хотя одинъ билетъ 3-го (Дворянскаго) съ выигрышами займа
ВЪ БАНКИРСКОМЪ ДОМѢ
А. В. СМЕРНОВЪ,
С.-Петербургъ, Невскій пр., 60. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Сапъ-Галли
Съ разсрочкой платежа при задаткѣ 25 рублей съ дальнѣйшей уплатой по 7 рублей въ мѣсяцъ.
Розыгрышъ послѣдуетъ 1-го мая 1911 года, а потому не теряйте времени и сѣшите купить билетъ 3-го (Дворянскаго) займа.
Задатокъ можно выслать почтовымъ или телеграфнымъ переводомъ.

Первый Кубанскій Нефтепереработный Заводъ
Л. Л. АНДРЕЙСЪ
(станція Ширванская, Куб. обл.)
вновь оборудованъ согласно послѣднимъ требованіямъ техники
ПРОИЗВОДИТСЯ
продажа керосина и сырой моторной нефти на СКЛАДѢ въ станціи АПШЕРОНСКОЙ (близъ шоссе)
Съ запросами обращаться въ контору Л. Л. АНДРЕЙСЪ станція Апшеронская, Куб. обл. **ТОВАРНЫЙ ОТДѢЛЪ.**

чиль на ноги, хотѣлъ было изругаться, но понявъ въ чемъ дѣло, тутъ же смирился. Смирился до отрешенія отъ самозабвѣя, человѣческаго достоинства.

— Ахъ ты грѣхъ-то!.. вотъ бѣда то, какъ она отвязалась!.. Ваше благородіе, отпустите лошаденку, ослобоните, раззоръ одинъ, заставьте вѣкъ Бога молить... — Маршъ въ усадьбу!

Матвѣй торопливо рылся въ пустыхъ карманахъ и какимъ-то чудомъ хотѣлъ найти тамъ рублевку для откупа.

— Ваше благородіе, вы ужъ ослобоните! Вотъ какъ передъ Богомъ, завтра я вамъ все доставлю.

Въ отвѣтъ ему опять были два удара нагайкой, опять та же ругань и тѣ же препирательства между собой изъ-за первенства удара.

Всю дорогу онъ ѣхалъ молча, съ низко опущенной головой. Предъ глазами была недопаханная полсека, старая избенка, жена Марья и мальчишка Митька.

Пропадать придется. И вмѣстѣ съ этой мыслью другая: — Надо все вынести, все перетерпѣть, что-бы прожить...

Останавливаясь въ кабинетѣ помѣщика со своимъ конвоемъ, онъ твердо сказалъ себѣ, какъ слова старой твердой молитвы: „все стерплю.“

За дверьми было шумно и весело. Были именины жены помѣщика, и потому хозяйнѣ вошелъ въ кабинетъ въ веселомъ духѣ.

Приказчикъ и стражникъ, видя это, улыбаясь радостно, сообщили о случившемся.

Судь скорый и правый!.. захохоталъ Завалишинъ и велѣлъ позвать мужичинъ-гостей.

Баринъ,—низко кланяясь просилъ Матвѣй—отпустите лошаденку, все заработаю, будьте отцомъ благодѣтелемъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, братецъ, отпустимъ,—и обратившись къ лакею крикнулъ: — „Давай сюда святцы!“

Читая имена угодинокъ за 15 число онъ вдругъ радостно расхохотался.

— Этотъ негодяй своимъ самоуправствомъ всѣхъ святыхъ этого числа обидѣлъ!

Всѣ засмѣялись, и по лицамъ гостей и по улыбкамъ послѣ смѣха чувствовалось ожиданіе поступковъ хозяина.

— Баринъ, сдѣлайте такую божескую милость, я ужъ вамъ за все отработаю.

— Какъ звать? строго спросилъ его Завалишинъ.

— Матвѣемъ.

— А-а-а! Матвѣемъ?! и рѣкій звукъ пощечины раздался вслѣдъ за его словами.

— Докторъ, выдержать ли этотъ негодяй за нарушение лич-

ной собственности вторую?

Изъ толпы гостей раздался молодой, пьяный, насмѣшливый голосъ:

— Я думаю, что вполне, у него очень здоровый организмъ.

— Стражникъ, ну-ка, дай ему за оскорбленіе Варсонофія и Демьяна!

— „Есть! и опять звонкая пощечина плеснула въ тиши кабинета.“

... За Мартына и Деисія, читая листокъ командовалъ хозяйнѣ.

— „Есть!“

Помѣщикъ читалъ имена угодинокъ, а стражникъ и приказчикъ по очереди били крестьянина. У него были разбиты губы, изъ носа текла красная струйка крови и, какъ слабый колосъ подъ ударами града, билось и шаркалось въ сторону его тощее тѣло.

Но вотъ за спинами гостей вдругъ скрипнула дверь и тутъ же раздался пискливый голосъ ребенка:

„Попочка, покажи мнѣ живого мужика...“

— Вова, раздался вдругъ негодующій, удивленный голосъ гувернантки—какъ тебѣ не стыдно отрывать папу отъ дѣла!

— Миссъ, крикнулъ Завалишинъ—смотрите лучше за ребенкомъ!

А потомъ обратившись къ Матвѣю:

— Ну, па-шалъ, да смотри не вздумай въ другой разъ. Тогда, братъ, я такъ шутить не буду!

— Ахъ, какой негодяй! негодяи вали гости, раскачивая окруженно пьяными головами,—ахъ, какой негодяй!

Матвѣй бѣгомъ спустился съ крыльца. Отбѣжавъ съ верету отъ усадьбы, онъ слѣзъ съ лошади и повелъ ее въ поводу.

— Такъ то, братъ Савраска, говорилъ онъ лошади, заглядывая ей въ большіе сѣрые глаза,—на аюлю насъ съ тобой ослобонили, значитъ. Идемъ, горемыка, амѣсть страдали, идемъ!

Вплоть до самаго села онъ велъ ее въ поводу, а дома поставилъ подъ навѣсъ и далъ ей цѣлую мѣрку овса.

Все время въ этотъ день нарочно кокался во дворѣ и намѣренно избѣгалъ встрѣчаться съ женой. Онъ чувствовалъ себя передъ ней униженнымъ, виноватымъ; чувствовалъ, что не можетъ взглянуть ей прямо въ глаза.

Подъ предлогомъ пройтись къ себе, онъ взялъ съ собой пятилѣтняго Митьку и пошелъ вдоль села. Потомъ онъ зашелъ въ знакомый шинокъ, пилъ молча водку и, когда совершенно омянѣлъ, наполнилъ и Митьку. Выйдя снова на улицу, онъ остановился передъ толпой.

— Братцы, отъ барскаго угощенія запилъ отецъ, ну и сына съ горя наполнилъ тоже! Пусть

учится... Велико горе мужицкое. — Хо, хо хо!.. грѣшля толпа! —приучается, значитъ, къ патой заповѣди! пойдеть по отповской дорожкѣ!

— Нѣтъ, по отповской не надо. Ему зинимъ быть надо—проживеть лучше. А мы съ Савраской что? Эхъ!..

Мальчикъ пашается, хватается слабой ручонкой за больную голову.

— Тятка, домою!.. жалобно тянетъ онъ.

— Братцы! вдругъ съ пьяной тоскою кричитъ отецъ, поднимая кверху руки и роняя ребанка,— для счастья сына своего проклинаю! Митька, будь ты, анафема, проклять во вѣки вѣковъ!!

— Аминь! хочотеть и надрывается толпа.

Митька роется гловенкой въ шилы и сидитъ заглядывая вверхъ.

— Тятка—тихо стонетъ онъ—къ мамѣ... домою...

Матвѣй поднялъ сынишку и заковыдалъ невѣрными шагами вдоль села. Проходя мимо старой часовни, онъ угрожающе бросилъ: „Не знакомъ! не желаю!.. Ужъ бунтъ, такъ бунтъ!“—пошелъ дальше, а приподнятая кверху рука съ указательнымъ пальцемъ долго маячила по направлению сѣрой тучи.

Евгеній Павловъ.

Справочный отделъ

Часы приема.

Атаманъ отдѣла полковникъ П. П. Лагуновъ принимаетъ въ управленіи отдѣла отъ 10 1/2 до 1 час. дня ежедневно.
Поліціймейстеръ Г. А. Буличъ принимаетъ въ полицейскомъ управленіи отъ 9 до 1 час. дня ежедневно.
Городской голова Д. И. Зинковецкій принимаетъ въ зданіи Майк. городской управы отъ 10 до 2 час. дня ежедневно.
Податный инспекторъ А. А. Ашаровъ принимаетъ въ собственной канцеляріи (въ старомъ городѣ) отъ 10 до 2 час. дня ежедневно.
Инспекторъ народныхъ училищъ г. Рудановъ принимаетъ у себя (Бульварная ул.) во всякое время когда дома.
Оружійный акцизный надзиратель г. Морозовъ принимаетъ въ зданіи казеннаго виннаго склада ежедневно.
Городская больница амбулаторный приемъ отъ 9 до 2 час. ежедневно.
Городская ветеринарная амбулаторія. Безплатный приемъ отъ 7 до 11 час. утра, кроме воскресеній и пятницъ.
Городская библиотека открыта отъ 9 до 12 и отъ 4 ч. д. до 8 ч. ежедневно. Въ праздники—отъ 10 до 1 ч. дня.
Майкопская почтовая контора открыта съ 8 до 2 час. дня и отъ 5 до 7 час. вечера ежедневно. Въ праздники отъ 9 до 1 час. дня.
Уѣздное назначеніе (Клубная ул.) открыто отъ 9 до 1 час. дня ежедневно.
Государственная сберегательная касса (въ зданіи казначейства) открыта отъ 9 до 1 час. дня.
Майкопская мѣщанская управа открыта отъ 9 до 12 час. дня и отъ 5 до 7 час. вечера ежедневно.

Требуются агенты по сбору объявленій.

Справиться въ редакціи.

Стулья, кровати, гардеробы, матрацы, комоды, буфеты, и другая всевозможная мебель въ большомъ выборѣ въ магазинѣ Бр. Просянкиныхъ.

Приглашаются рядчики на постройку желѣзно-бетонныхъ мостиковъ, можно брать по одному мосту.
Смѣты и условия узнать въ канцеляріи Майкопо-Туапсинской шоссеиной дистанціи ежедневно отъ 9 до 2-хъ час. дня.

ГОНОРРЕЯ (ТРИППЕРЪ) излѣчивается въ нѣсколько дней. Въ случаѣ неблагоприятнаго результата можно методомъ леченія, деньги возвращаю обратнo. Сообщите вашъ адресъ. Научная брошюра высылается бесплатно. Москва, Долгоруковская ул., д. № 31, кв. 20. М. С. Деламуре. 3—10

СПѢШНО ПРОДАЕТСЯ дамскій велосипедъ мало-подержанный. Аптекарскій магазинъ Диковой.

ПРОДАЕТСЯ плановое мѣсто и два кирпичныхъ дома съ надворными постройками. Условия узнать у домовладѣльца (Соборная улица противъ біографіи „Модернъ“) Николая Францевича Мужикаго

Аптекарскій магазинъ В. В. СЕРДЮКОВА предлагаетъ самыя лучшія сорта ванили, шафрану, розоваго масла и заграничныя краски для лицъ. Колоссальный выборъ русской и заграничной парфюмеріи; имѣю настоящее деревянное и лампадное масло и массу роскошныхъ фейерверковъ.

Нуженъ опытный конторщикъ въ транспортную и страховую контору М. И. ШИРОКОВА. Узнать тамъ-же.

Ревматизмъ можно вылѣчить. БЕЗПЛАТНО!!!

Если Вы страдаете ревматизмомъ, подагрой, люмбагой, спиначкой или „лишасомъ“ и врачи Вамъ не помогаютъ, напишите открытку на имя М. Е. Трейзера въ Лондонъ и Вы получите совершенно бесплатно пробную дозу превосходнаго медицинскаго средства, благодаря которому онъ самъ былъ излѣченъ, а равно и сотни другихъ лицъ, между которыми были страдавшія этимъ недугомъ свыше 30 лѣтъ. Этимъ средствомъ можно пользоваться не прерывая своихъ обычныхъ занятій. Пишите по адресу:

М. Е. Трейзеръ № 447 Бангоръ Гаузъ, М. Е. Trauser No. 447 Bangor House, Шу-Лейнъ, Лондонъ, Англія. Shoe Lane, London, England.
Примѣчаніе. Если потомъ понадобится еще этого лекарства, то такое можно достать у врача или въ мѣстной аптекѣ.

A well educated Russian, experienced Bookkeeper and Correspondent with knowledge of English requiring a situation. Address: Москва, Новослободск. 31, кв. 17, А. М. Шеминцевъ.

Очень дешево продаются

3-и нефтяныя заямки, въ юртѣ станицы Губской, Майкопскаго отдѣла. О цѣнѣ и условіяхъ спросить у владѣльца ихъ Михаила Александровича Дронъ—контора нотаріуса С. И. Иванова.

Все для охотниковъ! ружья, револьверы, порохъ, патроны и все принадлежности вновь получены въ магазинѣ Бр. Просянкиныхъ

Продается или сдается съ 1 мая

ДОМЪ

въ ст. Апшеронской на церковной площади, гдѣ помещается почтовая разгонная станція. Условия узнать и А. В. Шаповалова въ Майкопѣ. 7-10

КРИКЪ ЖИЗНИ!!!

Мужчины и женщины! Вы страдаете тяжелой болѣзью нашего вѣка, которая уничтожаетъ все радости жизни, разрушаетъ семейные очаги. Ненормальный образъ жизни и тяжелыя условия ея разрушаютъ нервную систему, а „Грѣхи Молодости“ вызываютъ истощеніе организма.
Въ борьбѣ съ тяжелымъ недугомъ наука изыскиваетъ средства и ея послѣднимъ лучшимъ словомъ является книга „ГРѢХИ МОЛОДОСТИ“ „Общепонятный лечебникъ секретныхъ болѣзней мужскихъ и женскихъ мочеполовыхъ органовъ со многими рисунками и рецептами“. Цѣна съ перес. наложи. плат. 1 р. 35 к. (можно марками). С.-Петербургъ, Невскій 100, Т-во „ОСНОВА“. 2—8

Недорого продаются

городская лошадь, линейка мало-подержанная, на патентованныхъ осяхъ, пробѣдные сани работы Н-ковъ Федотова, кучерской армякъ и сбруя.

Видѣть можно на мельницѣ И. В. Завершинскаго, а о цѣнѣ узнать у А. В. Пономарева, въ мукомольномъ магазинѣ этой-же фирмы.

въ станицѣ Кавказской ОТКРЫВАЕТСЯ НОВЫЙ МАГАЗИНЪ ТОВАРИЩЕСТВА П. Бушманъ и Д. Авариновъ. Продажа колониальныхъ, гастрономическихъ и бакалейныхъ товаровъ. Галантерея, желѣзно-скобяныя и др. товары.

Магазинъ мануфактурныхъ товаровъ и готоваго московскаго платья Н. В. БАЙСТРЮЧЕНКО въ г. Майкопѣ. Отдѣленіе въ станицѣ Бѣлорѣченской. Получены новости къ весеннему сезону.

Лѣтнія ткани. Богатый выборъ трико для костюмовъ московскихъ и заграничныхъ фабрикъ; модныя кашемиры, батисты, шерстяныя муслины, льняное полотно и блузочный шелкъ.

Открыта школа парижской кройки и шитья по методу „ТЕОДОРЪ“. ПРИНИМАЮ УЧЕНИЦЪ НА ПОЛНЫЕ И СОКРАЩЕННЫЕ КУРСЫ. Казенный винный складъ, А. П. Гандина.

Зеркала-Рекламы въ Майкопѣ.

Выставленные съ 15 декабря 1910 года въ г. Майкопѣ зеркала-рекламы въ количествѣ шести экземпляровъ въ видныхъ мѣстахъ будутъ демонстрироваться въ теченіи года.

Объявленія принимаются въ типографіи П. Л. Чернова, какъ мѣстныя, такъ и иногороднія. Иногороднія объявленія принимаются только по полученіи денегъ. Плата для иногороднихъ въ мѣсяцъ—5 руб. въ годъ—25 руб. Иногороднихъ прошу адресовать: Майкопъ, типографія П. Л. Чернова, П. В. РАЕВУ.

ОПЫТНАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА ведетъ занятія группами и отдѣльно по программѣ средн. учебн. заведеній. Домъ Волошина, за фотографіей Амбражевича.

ВЪ ТУАПСЕ

(Черноморской губ.)

будетъ выходить газета

„БЕРЕГЪ КАВКАЗА“

при ближайшемъ участіи всѣхъ сотрудниковъ „Майкопской Газеты“ и мѣстныхъ дѣтелей.

Программа газеты: статьи на разныя темы, фельетоны, телеграммы, корреспонденціи, хроника, беллетристика, обзоръ печати, театр, музыка и проч

Отдѣлы: торгово-промышленный, нефтяной, рыбо-промышленный, сельскохозяйственный и табаководства.

Въ газетѣ будутъ помещаться иллюстраціи (портреты, рисунки, каррикатуры).

За свѣдѣніями обращаться въ редакцію „Майкопской Газеты“.

Турфли прочныя, красивыя вновь получены въ магазинѣ Бр. ПРОСЯНКИНЫХЪ.

Молно-мануфактурный магазинъ и готоваго московскаго платья Н. В. БАЙСТРЮЧЕНКО

въ гор. Майкопѣ, Куб. обл. Отдѣленіе въ ст. Бѣлорѣченской, собств. помещеніе.

М. С.

Посѣтивъ лично фабрикантовъ Москвы, Лодзи, Варшавы и С.-Петербурга, я купилъ непосредственно съ наилучшихъ фабрикъ, въ громадномъ выборѣ ПЕРВОКЛАССНЫЕ МАНУФАКТУРНЫЕ ТОВАРЫ, какъ-то: трико для пальто и костюмовъ, сукна для формъ всѣхъ ведомствъ.

Шелковыя и шерстяныя матеріи для платьевъ и костюмовъ. Льняное полотно, занкорты, сатины, батисты разныхъ модныхъ тканей и ситца.

Въ громадномъ выборѣ мужское, дамское и дѣтское готовое платье:—мужскіе костюмы, пальто, сюртукины пары самыхъ новѣйшихъ фасоновъ.—дамскіе сюртуки, юбки, пальто.—жакеты, саки, манто и фигары.

Въ вашихъ интересахъ посѣтите мой магазинъ и убѣдитесь лично Съ почт. Н. В. Байстрюченко.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КУЛЬТУРНЫЙ КАВКАЗЪ“.

Вышли слѣдующія изданія:

- 1) Какая намъ нужна наука? Рѣчь о наукѣ Эд. Карпентера. Цѣна 10 коп.
2) Майкопскій Календарь-Справочникъ „Для Всѣхъ“ на 1911 г. съ планомъ города Майкопа и картою нефтянаго района. Цѣна 30 коп.
3) Карта центрального промысловаго района. Съ указаніемъ положенія буровыхъ работъ, дорогъ, телефонныхъ, водопроводныхъ и нефтепроводныхъ линий. Цѣна 25 коп.
4) Планъ города Майкопа. Телефонная сѣть и водопроводъ. Цѣна 10 коп.
5) „Кубанскій нефтяной сборникъ“. (печатается).
6) Городъ Майкопъ въ прошломъ и настоящемъ. Ц. 25 к.

КОНТОРА ОБЪЯВЛЕНІЙ

ПРИ ИЗДАТЕЛЬСТВѢ

„КУЛЬТУРНЫЙ КАВКАЗЪ“

Принимаются объявленія во всѣ русскія газеты и журналы по цѣнамъ редакцій.

Принимаются объявленія въ Майкопскую Телефонную Книжку на 1911 г. на 2-е полугодіе. Цѣна 1 страница 15 р., 1/2 страницы—8 р. и 1/4 стр. 4 р.

Принимаются объявленія въ „Майкопскій Календарь-Справочникъ Для Всѣхъ“ на 1912 годъ. Цѣна 1 страница 20 р., 1/2 стр.—10 р. и 1/4 стр. 5 р.

Принимаются объявленія въ имѣющую выходить въ Туапсе, Черноморской губерніи, газету „БЕРЕГЪ КАВКАЗА“.

Принимается подписка на ежедневную „МАЙКОПСКУЮ ГАЗЕТУ“

МАЙКОВСКАЯ ГАЗЕТА

Годъ изданія II-й.

1911 г.

Воскресенье, 10 апрѣля

Христось Воскресъ!

На зарѣ.

Свѣтало.
Сенаторъ Протогенъ сидѣлъ на мраморной скамьѣ среди зелени сада. Въ рукахъ онъ держалъ восковую дощечку—это былъ его смертный приговоръ.

Дочь Протогена Виринея была христіанка. Это дошло при помощи соглядатаевъ до свѣдѣнія Нерона, но послѣдній до поры молчалъ и не подавалъ виду, что знаетъ о томъ, что дочь сенатора христіанка.

Неронъ внесъ въ сенатъ законопроектъ о новомъ налогѣ въ свою пользу. Сенатъ, всегда послушный волѣ „божественнаго цезаря“, на этотъ разъ очень неохотно согласился на новый законъ. Причиной была горячая рѣчь Протогена, доказавшаго, что проектъ будетъ гибельнъ для народа. Послѣдствіемъ былъ приговоръ Протогену, мотивированный переходомъ его дочери въ христіанство. Протогенъ несколько не удивился: тогда каждый долженъ былъ этого ожидать.

Восковая дощечка была получена еще съ вечера, но Протогенъ ни слова не сказалъ ни дочери, ни ея мужу Малху, которые собирались на собраніе христіанъ, происходившее въ одной изъ пещеръ близъ Антиной дороги, для встрѣчи большого праздника христіанъ—Пасхи.

Протогенъ наблюдалъ за наступающимъ утромъ. Онъ ни о чемъ не думалъ и былъ покоенъ. Его единственная дочь была замужемъ за достойнымъ ея человекомъ—больше же у него ничего не было дорогого...

День наступилъ.

Зашуршала песокъ. Малхъ и Виринея возвращались довольные и счастливые.

— Христось Воскресе! сказалъ сияющій Малхъ.

— Христось Воскресе! добави-

ла Виринея.

Протогенъ молча поцѣловалъ ихъ. Онъ глубоко вздохнулъ.

— Дѣти! Пусть вашъ Христось воскресъ—живите и вы этимъ воскресеніемъ. Я же буду...

— Отець! Что съ тобой? воскликнула Виринея.

Протогенъ указалъ на восковую дощечку. Говорить не нужно было—каждый зналъ, что означала эта дощечка.

Малхъ заломилъ руки.

— Отець! это невозможно!

— Ты долженъ жить.—стонала Виринея.

Протогенъ отрицательно покачалъ головой.

— Я исполню волю цезаря.

Онъ крикнулъ рабамъ.

— Привнесите мнѣ чашу, что стоитъ въ триклиніумѣ.

— Отець, это ядь,—еле проговорила Виринея.

— Да, ядь.

Чашу привесли.

— Прощайте, дѣти, пусть вашъ Христось принесетъ и мнѣ воскресеніе.

Малхъ и Виринея рыдали. И смерть и жизнь играли въ наступающемъ днѣ.

—онъ.

Тайна
великой
ночи.

(Фантазія).

День умиралъ.

Багровые лучи заходящаго солнца брызнули горячими искрами по бурнымъ волнамъ моря, и послѣднимъ прощальнымъ отблескомъ освѣтили небольшую больничную палату, гдѣ лежалъ умирающій.

Лучи скользнули по лицу больного, но не оживили его минутной

лаской своей.

Лишь страшные признаки разрушительной болѣзни выдвинулись яснѣе и лучи, точно испугавшись безумныхъ, глубоко ушедшихъ въ орбиты глазъ, скользнули выше по стѣнѣ и наконецъ угасли въ темныхъ складкахъ гардинъ.

Въ палатѣ темнѣло.

Сѣрныя тѣни ожили и зашевелились по угламъ.

Словно ждали они наступленія вечера, чтобы начать свою таинственную жизнь въ смутномъ молчаніи ночи.

За окномъ шумѣло вавилованное море и рѣвъ морскихъ волнъ заглушенный разстояніемъ и толстыми стѣнами больницы, вривался въ палату и звучалъ ровнымъ и пѣвучимъ гуломъ.

И гулу этому вторило, безобразно нарушая его могучую красоту, хриплое дыханіе большой груди человека.

Кромѣ этихъ звуковъ ничто не нарушаетъ чуткой тишины.

Ничьи гулки шаги не раздаются въ больничныхъ коридорахъ, притихло все и ждетъ чего то важнаго, полнаго глубокаго значенія.

Еще нѣсколько часовъ и наступитъ свѣтлый, весенній праздникъ воскресенія.

Даже здѣсь, въ этомъ царствѣ болѣзни и скорби, чувствовалось то торжественно-тихое настроеніе, которое охватываетъ всѣхъ передъ свѣтлымъ днемъ.

Такъ прошесть часовъ, можетъ быть больше—больной не зналъ этого.

Безсвязныя отрывки мыслей пронеслись въ разгоряченной головѣ больного.

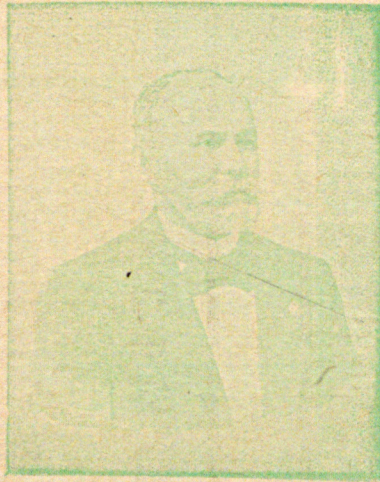
Подымалось и подступало что то холодное, наполнявшее все существо его невыразимымъ животнымъ ужасомъ.

Смерть.—Онъ чувствовалъ ея приближеніе и ясно сознавалъ ужасъ неизбежнаго.

Къ 40-лѣтію города Майкопа.

Г. Н. Шалошиковъ.
Инициаторъ переименованія станицы
„Майкопъ въ городъ“.

С. И. Ивановъ
Майкопскій нотаріусъ б. городской
голова.

Д. И. Зинковецкій
городской голова г. Майкопа.

Знать и боясь мѣрить, боясь думать объ этомъ.

Пугливый и подозрительный онъ вглядывался въ лица подхлѣвшихъ къ его постели, боясь прочесть въ глазахъ ихъ неизбѣжное.

Станнымъ и неприятнымъ казался ему голосъ молодого веселого врача.

Зачѣмъ онъ смотритъ такъ преувеличенно—весело, когда заходитъ къ нему въ палату, зачѣмъ говорить такимъ искусственно бодрымъ, повышеннымъ тономъ, точно скрыть что-то хочетъ отъ больного,—обмануть его, хочеть бодрыми словами своими.

Мысли неслись слабо, сблизясь одна за другую, какъ колеса попорченной машины.

Отвратительная картина смерти и разложенія предстала глазамъ человѣка и безумной тоской по жизни и ясному небу сказалося его сердце.

Вдругъ—ударъ колокола, второй, третій...

Звуки неслись, рыдая, надъ уснувшей землей, отражались горами и вновь неслись торжественно сливаясь съ неумолкаемымъ гуломъ морскимъ.

Въ отвѣтъ несущимся звукамъ благовѣста вихремъ понеслись испуганныя мысли больного.

Завтра праздникъ—подказала память.

Великій, таинственный праздникъ побѣды жизни надъ смертью.

А онъ? онъ быть можетъ умереть въ эту ночь?

И уже отчаяніе и безнадежную тоску рождали быстро бѣгущія

мысли.

О пусть скорѣй наступитъ конецъ,—скорѣе не видѣть не слышать, не чувствовать.

Пусть завтра восходитъ сіющее солнце и море ласковымъ прибоемъ будетъ ложиться на берегъ.

Но видѣть, не чувствовать!.. Но вотъ—точно лъя то вѣдная рука опустилась на нилую лобъ и остановила беспорядочный бѣгъ мыслей.

Спокойно и стройно возникаютъ мысли одна за другой въ мозгу человѣка.

Такъ, бѣгущіе въ беспорядкѣ съ поля сраженія солдаты, вдругъ останавливаются, увидѣвъ передъ собой любимого ими вождя и услышавъ его ободряющій голосъ.

Одна минута, и уже стройными колоннами идутъ разстроенные было полки, и уже съ безотраднымъ спокойствіемъ смотрятъ глаза туда, гдѣ бушуетъ торжествующая смерть...

Тихій, ласкающій голосъ сказалъ больному—„смотри“ и онъ открылъ глаза.

Точно раздвинулись и въ высь ушли стѣны палаты и передъ глазами безконечный просторъ невѣдомаго свѣта.

—Гляди, вовъ на бѣдной бесплодной землѣ, ты видишь, гробница съ заваленнымъ камнями входомъ.

Отодвинулись камни, на каменномъ ложѣ лежитъ холодное тѣло въ бѣлыхъ погребальныхъ одеждахъ.

Вотъ трепеть жизни шевельнуть застывшіе члены и пробуждается Жизнь, сливаясь съ ликую-

щимъ свѣтомъ.

И снова слышится ласковый шепотъ:

— Смотри-же, смотри и поймешь ты значеніе того, что прошло сейчасъ передъ твоими глазами.

И передъ взоромъ больного открылась жизнь, которую не замѣчаютъ люди въ невѣжествѣ и ослѣпленіи своемъ.

Тамъ, вдали совершалась великая работа разрушенія и творчества природы.

Умирающій видѣлъ, какъ тѣла мертвыхъ людей и животныхъ распадалась на составныя части, изъ которыхъ при жизни медленно и незамѣтно создавались они.

Видѣлъ какъ исчезали съ лица земли вѣковые лѣса и странная неуклюжая животныя, исчезали затѣмъ, чтобы вернуть природѣ накопленное ими богатство вещества.

Онъ видѣлъ, какъ природа изъ освободившейся матеріи создавала новыя невиданныя, прекрасныя формы.

Видѣлъ вѣковую работу атомовъ, слагающихся въ вещества, и въ темной глубинѣ тысячелѣтій угадывалъ неясный процессъ творенія атомовъ—первыя робкіе шаги вѣчно возстающей изъ мертвыхъ природы.

Послѣдняя мысль нестерпимо яркимъ свѣтомъ залила измученный мозгъ:

Смерти нѣтъ—есть вѣчное воскресеніе, вѣчное обновленіе идущей къ красотѣ природы...

Утро наступало ясное и тихое. Вставало изъ-за горъ весеннее

яркое солнце, весело зашумѣли основныя дѣла на склонахъ горъ, радостно привѣтствуя наступленіе новаго дня.

Въ больничной палатѣ лежало холодное тѣло и еще не изгладилась на неподвижномъ лицѣ спокойная и гордая улыбка познавшего великую тайну человека.

А за окномъ неумолкаемо шумѣли морскія волны и пѣли торжественный гимнъ вѣчной красоты и вѣчному возрожденію.

Мих. Сумцовъ.

Разсказы о Насранъ-хаджѣ.

(Хаджи) или о Насръ-Эддинѣ (съ карачаевскаго).

Однажды Насранъ-хаджа пошелъ въ поле прогуляться и увидалъ тамъ толпу шумно играющихъ дѣтей. Вдали видѣлась сухая яблоня, а за нею — работавшіе на нивахъ сельчане.

Желая подшутить надъ дѣтьми, Насранъ крикнулъ имъ:

— Дѣти! развѣ вы не знаете, что вонъ на той яблонѣ давно созрѣли яблоки?!—и показали имъ одно яблоко. Дѣти вазпуски бросились къ сухому дереву и обратили на себя вниманіе взрослыхъ, которые съ разныхъ концовъ поля побѣжали къ дереву, крича:

— Яблоки, яблоки!...

Насранъ, видя, что дѣти, женщины, мужчины, все стремятся къ сухому дереву, тоже пустился бѣжать къ нему, размышляя:

— Сейчасъ я проходилъ мимо него—оно было сухое и гнилое... Когда же успѣли созрѣть на немъ плоды?!... Навѣрное послѣ того, какъ я прошелъ мимо него...

Когда Насранъ подошелъ къ дереву, то убѣдился, что оно дало плоды: подъ нимъ лежалъ мальчикъ съ сломанной ногой, сидѣла дѣвочка съ выколотымъ глазомъ, а люди перевязывали женщинѣ руку, которую она сильно порѣзала серпомъ...

О, ложь! какъ ты глупа, груба и... и сладка!.

Къ 40-лѣтію города Майкопа

Видъ на городъ Майкопъ.

Реальное училище въ г. Майкопѣ.

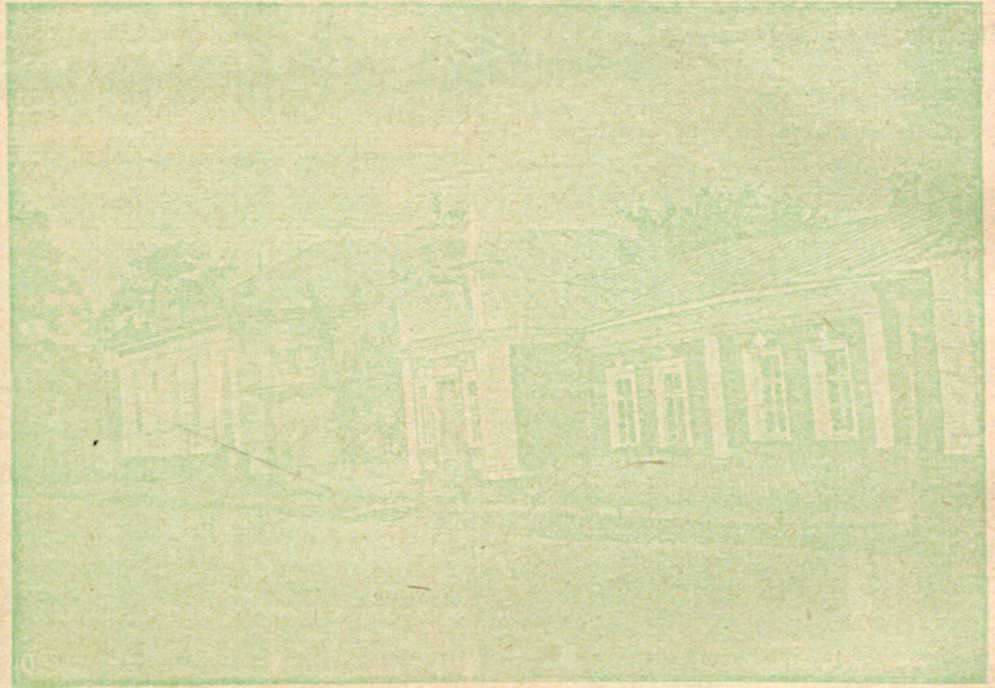

Корзиночная мастерская св.-Оссіевскаго братства въ г. Майкопѣ.

Не потому ли я, создатель ея, самъ повѣрилъ въ ея силу и поддался ея волшебству?! Выходить, что-такъ... Не ложь идетъ къ намъ, а мы стремимся къ ней, хотя и чувствуемъ всю чреватость ея послѣдствій. И зная, что она подобна сухому и подгнившему дереву, все же предвкушаемъ обманчивую сладость ея плодовъ.

Такъ разуждалъ Исраиль, тихою ночью, навелъ, чтобъ спасти свой бокъ отъ сельчанъ, вкусившихъ отъ лжи.

К—о.

Домъ св. Осиповскаго братства, въ г. Майкопѣ.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ НОВАЯ КНИГА

„КУБАВСКІЙ НЕФТЯНОЙ СВЯЗНИКЪ“

СОДЕРЖАНІЕ: Происхожденіе нефти. Краткая исторія и описаніе Кубавскихъ нефтерожденій. Майкопскій нефтяной районъ. Анализы Кубавской нефти. Нефтепроводы. Добыча нефти за 2-го года. Виды и перспективы Майкопской нефтепромышленности.

Къ книгѣ будутъ приложены снимки съ промысловъ, фонтановъ, карта Майкопскаго нефтяного района.

Лица, желающія помѣстить въ концѣ книги объявленія, благоволятъ обращаться до 1 апрѣля въ контору „Майкопской Газеты“ или въ книжный магазинъ Ф. Т. Марѣева.

Цѣна за страницу объявленія 25 руб. за 1/2 страницы 15 рублей.

КНИЖНЫЙ И КАНЦЕЛЯРСКИЙ МАГАЗИНЪ Ф. Т. МАРѢЕВА въ МАЙКОПѢ

Магазинъ снабженъ постояннымъ запасомъ въ большомъ выборѣ письменныхъ, учебно-канцелярскихъ и учебныхъ пособій.

Принимается подписка и объявленія для „Майкопской Газеты“.